

Наталия В. Косек (Москва, СССР)

СЕМАНТИКА И СИНТАКСИС ОТРИЦАНИЯ В ЕВАНГЕЛИИ КОХНО

Евангелие XII—XIII вв., переданное штабс-капитаном А. Кохно библиотеке Новороссийского университета в 1879 году, представляет собой интересный среднеболгарский памятник, языковые особенности которого еще ждут подробного исследования.

Краткий обзор палеографических особенностей памятника дан П. А. Лавровым¹ в 1914 году. Эта рукопись упоминается в очерках Корольковой и Кравченко² и Копыленко и Рапопорт³, авторы Археографического ежегодника „Рукописи ОГНБ“ относят ее к XII в.⁴; имеются сведения об этом памятнике в палеографическом альбоме Вл. Мошина⁵, а также в одной из последних монографий — „Българска ръкописна книга X—XVIII вв.“⁶, где это евангелие датируется XIII веком. О. А. Князевская для каталога славянских рукописей АН СССР датирует евангелие Кохно II половиной XIII в.

Памятник представляет собой четвероевангелие, написанное на пергаменте, содержит 120 листов, все хорошо сохранилось, кроме последнего обложки. Весь памятник — греческий палимпсест.

В данной работе рассматриваются особенности выражения отрицания в евангелии Кохно. Отрицание — одна из языковых универсалий, которая дает ключ к пониманию многих семантических и синтаксических особенностей языка

В общеславянском языке, как известно, формальным способом передачи отрицания были частицы *не* и *ни* (= *и не*)⁷; они ставились в тексте непосредственно перед теми словами, к которым относилось отрицание. Это положение сохраняется и в евангелии Кохно.

В канонических текстах широко известны случаи смешения частиц *не* и *ни*, т. е. недифференцированного их употребления. Имеются такие примеры и в тексте евангелия Кохно, хотя они не типичны. В большинстве случаев частица *ни* употребляется в значении соединительного союза в отрицательных конструкциях. При этом частица *ни* может повторяться перед каждым из однородных членов предложения:

а нже рѣтъ надъ хѣ стго не ѿпустнт сѧ емоу ни в сѣ вѣкъ ни в грѣдѣщнн (Кохно, 26б, 2—4).

¹ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма — „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 4. I. Петроград, 1914.

² Известия на БАН, 1963.

³ Труды отделения древнерусской литературы. М., 1963.

⁴ Археографический ежегодник. „Рукописи ОГНБ“. М., 1966.

⁵ Вл. Мошин. Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966.

⁶ Българска ръкописна книга X—XVIII в. Ред. К. Калайджиева. С., 1976.

⁷ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.

Однако чаще союз **нн** не ставится перед вторым из однородных членов получая значение „и не“:

ДА НЕ БЪДЕТЬ БЪГЪСТВО ВАШЕ ЗНМЪ **нн** В СЪБОТЪ (Кохно, 63б, 1—3)

ЯКО НЕ ПОЗНАШЪ **ѡ**ЦА **нн** МЕНЕ (Кохно, 12б, 11—12)

ПОНЕЖЕ **нн** СЪТВОРИТЕ ЕДИНМОУ ОТ СНЪХЪ МЕНШННЪХЪ **нн** МНЪ СЪТВОРИТО (Кохно, 12б, 7—9)

НЪ РАБЪ БОЛЕН ГА СВОЕГО **нн** СЛЪ БОЛЕН ПОСЛАШААГО Н (Кохно, 70а, 5—6)

Очевидно сфера действия отрицания **не**, стоящего перед глаголом-сказуемым, распространялась и на первый из объектов, и только при наименовании следующих объектов возникала необходимость повторять отрицание, которое, сливаясь с соединительным союзом **н**, давало общее **нн**. Такое употребление характерно и для канонических текстов древнеболгарского языка. Однако интересен случай употребления в евангелии Кохно конструкции этого типа с соединительным союзом **н** при отрицании вместо ожидаемого **нн**: ЯКО НЕ ПОЗНАШЪ **ѡ**ЦА **н** МЕНЕ (Кохно, 85б, 4). Характерно, что в Мар. — Зогр. — Сав. кн. здесь употреблен союз **нн**: ЯКО НЕ ПОЗНАША **О**ЦА **нн** МЕНЕ (Иоанн, XVI, 3).

Следует особо выделить конструкцию НЕ МОЖЕТЪ БОУ РАБОТАТИ **нн** МАМОНЪ (Кохно, 21а, 20; 50а, 5—6). В канонических текстах старославянского языка конструкция эта употребляется то с союзом **н**, то с **нн**. Л. П. Жуковская даже отмечает ее как пример немотивированного несовпадения текстов при текстологическом анализе.

Исходя из смысла этой конструкции („нельзя работать на двух господ одновременно“), естественно было бы считать здесь более уместным союз **н**, т. к. сфера действия отрицания ограничивается смыслом словосочетания (МОЖЕТЪ РАБОТАТИ), не распространяясь ни на один из объектов: **Не** (МОЖЕТЪ РАБОТАТИ) (БОУ **н** МАМОНЪ), т. е. „неверно, что может служить и богу и Мамоне“. По-видимому, употребление союзов **н** и **нн** не было четко дифференцировано, и союз **нн** мог употребляться в предложении с отрицанием независимо от того, входил ли данный член предложения в сферу действия отрицания или нет.

Обычно отрицательный оборот с союзом **нн** в тексте исследуемого памятника сопровождается отрицанием при глаголе-сказуемом.

Только в одном случае зафиксировано словосочетание с союзом **нн** при отсутствии отрицания **не** при глаголе:

нн СЪ СЪГРЪШН **нн** РОДНТЕЛЪ ЕГО (Кохно, 4б, 6).

При однородных членах, выраженных глаголами, регулярно употребляется союз **нн** в обычном значении „и не“. Такое употребление, несомненно, эксплицирует распространение сферы действия отрицания на все присутствующие в конструкции глаголы, кроме первого:

НЕ ДАДИТЕ СТГО ПСОМЪ **нн** ПОМЕТАНТЕВНСЕРЪ ВАШНХЪ ПРЪДЪ СВИННАМН ВЪ ЖИТНЦА (Кохно, 19б, 12)

ВЪЗРНТЕ НА ПТНЦА НЕНЫА ЯКО НЕ СЪАТЪ **нн** ЖЪНЪТЬ **нн** СЪВНРАЖЪТЬ ВЪ ЖИТНЦА (Кохно, 21б, 4)

ТАТНЕ НЕ ПОДЪКОПАВААТЬ **нн** КРАДЪТЬ (Кохно, 52, 14)

его же весь мнръ не может прнати како не виднть его ни знаетъ его
(Кохно, 106, 1—3)

како растятъ не трюждаат са ни прадать (Кохно, 216 11)

С вопросом об употреблении частиц не и ни для выражения отрицания тесно связан вопрос о двойном отрицании, которое представляет особенность славянских языков, отличающую их от языков индоевропейских, где в предложении формально может быть представлено только одно отрицание.

Проф. К. Мирчев установил, что старославянские памятники содержат случаи замены конструкций с одним отрицанием конструкциями с двумя отрицаниями⁸. Пословный перевод текстов с греческого давал конструкции с одним отрицанием, но тенденция к широкому употреблению конструкций с двумя отрицаниями, отражающая, возможно, факт живого языка, увеличивала число конструкций с двумя отрицаниями. А. Вайян считает, что „более обычно повторение отрицания; оборот без отрицания более древний и находится в языке на пути к исчезновению“⁹.

В языке евангелия Кохно конструкций с двойным отрицанием при местоимениях и наречиях насчитывается около 60 (среди них имеется несколько не вполне ясных случаев), а тех же конструкций с одним отрицанием — 13. Интересно отметить, что в Маринском евангелии при местоимении ннкто конструкций с двумя отрицаниями — 43, с одним отрицанием — 16; при местоимении ни едннъ (= ннкто) конструкций с двойным отрицанием — 10, с одним отрицанием — 5. Отметим попутно, что отрицательно-усилительная частица ни в евангелии Кохно может употребляться отдельно от соответствующего местоимения, хотя она и связана с ним синтаксически и семантически:

ни ннкто же не знаетъ сна тьмо шцъ ни шца кто знаетъ тькмо снъ
(Кохно, 110, 17—18).

В конструкциях с одним отрицанием ни при местоимении употребляются местоимения ннкто и ннчто, а также наречие ннколи:

ни ннкто же ѿ васъ възпрашаеть мьне (Кохно, 85б, 9—10)

ннкто же възыде на нбо (Кохно, 98б, 17)

ннколи же снце яви са въз насъ въззан (Кохно, 26, 10)

ннчто же бо естъ покръвено (Кохно, 105б, 18—20)

Из местоимений, употребляемых в конструкциях с двойным отрицанием, наиболее распространенными являются: ннкто (плюс его косвенные падежи), ннчто (ннчьсо), ни едннъ ннкын, из наречий — ннколи, ннкако:

нх же ннкто же не сътвори (Кохно, 85, 9)

ннчъсо же не ясомь (Кохно, 41, 11)

родъ же съ ннчнм же не нжденетса тькмо мнтвож и постомъ (Кохно, 29б, 22)

ни еднн же мжь тьхъ званнхъ не въкоушнть моа вечерѡ (Кохно, 46—47, 22)

а прнчуа ннкож же ннъ не глешн (Кохно, 87, 9)

азъ ннколи же не съблзна са (Кохно, 71, 1)

ни зыде ни него ннкако же не връжь его (Кохно, 40б, 11—12)

нбсте ли чли ннколиже въз кннгахъ (Кохно, 34, 6—7)

⁸ К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. С., 1955.

⁹ А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

В памятнике не являются редкостью случаи, когда в предложении имеется три, четыре и более отрицательных частиц, связанных каждая с другим местоимением:

Грѣбъ новъ въ немъ же ннколанже ннктоже не бѣ положенъ (Кохно, 93, 10)

ннкому же ннчъсоже не рѣци (Кохно, 54, 16)

В древнейших канонических текстах также представлены все эти отрицательные местоимения и наречия в пределах одного предложения. Эти и подобные примеры свидетельствуют о том, что полинегативные конструкции были обычным и весьма распространенным явлением. В этом можно, на наш взгляд, видеть желание автора „усилить“ действие отрицания, подчеркнуть, что оно не может не распространяться на какой-либо из названных в предложении объектов или обстоятельств. Это связано с тем, что отрицание в естественном языке, в отличие от логики, не всегда означает „не-А“; часто оно означает „мало, недостаточно“ или „плохой“ (= „недостаточный по качеству“). Очевидно, чтобы исключить такое понимание, и добавляются дополнительные отрицательные форманты¹⁰.

Здесь же интересно рассмотреть и единичный, но показательный случай употребления двойного семантического отрицания, равного, с точки зрения логики, утверждению:

н запрѣти нмъ да ннкому же не повѣдать (Кохно, 56б, 8)

Мар. — Зогр.: онъ же запрѣти нма не повѣдѣти ннкому же бывъшаго (Лука, VIII, 56)

Глагол *запрѣщати* обозначает „велеть *не* делать (чего-либо)“, т. е. отрицание входит в его семантическую структуру. Поэтому второе отрицание — при глаголе *повѣдати* оказывается излишним и логически вообще снимает отрицание, что явно не согласуется со смыслом данного высказывания. Возможность такой конструкции, на наш взгляд, тоже свидетельствует о широком распространении и естественности конструкций с несколькими отрицаниями.

Однако при словах — аналогах квантора общности — в предложении, как правило, употребляется только одно отрицание перед глаголом:

всѣкъ живын въроуж н въ ма не оумреть въ вѣкы (Кохно, 59б, 17—18)

весь мнръ не виднть мене вы же видите ма (Кохно, 10б, 7—8).

В тексте Марииинского евангелия в последнем примере кванторное слово отсутствует: н мнръ к томуу на виднть мене вы же видите ма (Кохно, Иоанн, 10б, 7—8). В канонических текстах и в евангелии Кохно отрицательные конструкции с квантором всеобщности *весь*, *всѣкъ* встречаются лишь как исключения (в ев. Кохно — 2 случая, в Марииинском евангелии из 45 конструкций с *всѣкъ* только 4 употреблены с отрицанием перед глаголом-сказуемым). В подавляющем большинстве случаев отрицание, семантически взаимодействуя с аналогом кванторного слова, превращает его в отрицательное местоимение *ннкто* (*ннчто*.) Оба типа конструкций — с *весь не...* и *ннкто не* — семантически и синтаксически тождественны, действие отрицания распространяется в них и на глагол-сказуемое, и на его субъект. Различия между ними заключаются лишь в вышеотмеченной частотности употребления.

¹⁰ С одним из таких примеров, когда *нет* на самом деле значит „да, но немного“, сталкиваемся, например, в случае: не нмамъ зѣ тькмо пать хлѣвъ н дѣвъ рыбъ (Кохно, 27, 9—10) — в ответ на вопрос, имеется ли что-либо съестное,

С вопросом определения сферы действия отрицания тесно связан вопрос выбора винительного или родительного падежа дополнения. Как было показано Г. Лакофом¹¹, отрицание всегда относится к предикату предложения. Но в предложении часто бывает больше одной предикации¹², что усложняет задачу определения сферы действия отрицания. В то же время, выбор винительного/родительного падежа дополнения зависит, очевидно, от того, распространяется ли сфера действия отрицания на объект или ограничивается семантикой глагола или других, дополнительных предикаций предложения¹³.

В тексте евангелия Кохно в большинстве отрицательных конструкций винительный падеж прямого дополнения заменяется родительным падежом (из 23 конструкций 17 с Род. п. и 6 — с Вин. п.). Конструкции с Род. п. — это те случаи, когда отрицание синтаксически и семантически связано с главной предикацией предложения:

н не дааъ бн подъкопатн домоу своего (Кохно, 46, 14—15)

не любви мьне словесъ монхъ не съблюдетъ (Кохно, 82б, 22)

не погубитъ мьзы свѣа (Кохно, 114, 21)

азъ бо вини не шеретаѡ въ немь (Кохно, 99, 19)

яко не нмаамъ гдѣ събратн плодъ монхъ (Кохно, 44, 20)

н лоуна не дастъ свѣта своего (Кохно, 64, 5) и др. под.

Интересен пример, содержащий один и тот же глагол (или причастную форму) с отрицанием и без него и с соответственной постановкой род. п. или вин. п. имени:

яко же бо розга не можетъ плода творити (Кохно, 12, 15—16)

всѣко оубо дрѣво нже не творитъ плода добра посѣкаемо быкаетъ (Кохно, 120, 3—4)

всѣкѡ розгѡ ѡ мнѣ не творашѡ плода нзметъ а н всѣкѡ творашѡ плодъ штрѣвнтъ а да плодъ болни сътворитъ (Кохно, 12, 8—11)

Казалось бы, последний пример неопровержимо доказывает обязательность замены вин. п. родительным в тех отрицательных конструкциях, где сфера действия отрицания включает и объект действия.

Однако в тексте евангелия Кохно встречаем следующие дублетные конструкции:

снъ чавчки не нмаѡ гдѣ главѡ подъклонити (Кохно, 22а, 20)

снъ чавчъ не нмаѡ гдѣ главы подъклонити (Кохно, 44, 1—2)

Сопоставление с евангельскими текстами показывает, что в кодексах обе конструкции употреблены с род. п. — в Мар., Зогр., Ассем., Сав., а также в Добромир. евангелии (ср. = болг. памятник).

Точно такой же случай имеем в примерах:

н радость вашѡ никто же не възметъ ѡ васъ (Кохно, 13б, 20—21)

н радостн вашѣа никто же не възметъ ѡ васъ (Кохно, 86б, 13)

Мар., Зогр., Ассем., Сав. и Добромир. дают в обоих случаях форму с родительным падежом.

¹¹ G. Lakoff. Irregularity in Syntax, 1970.

¹² Манукян Ж. К. Актуальное членение и отрицание. — НТИ, сер. 2, 1972, 9.

¹³ Коссец Н. В. Выбор винительного / родительного падежа дополнения в зависимости от сферы действия отрицания — „Проблемы теории членов предложения“, Кишинев, 1973.

Следующие 3 конструкции употреблены в тексте евангелия Кохно только с вин. п., в то время как соответствующие словосочетания в кодексах старославянского языка имеют только форму родит. падежа:

нже не мните часъ снъ члвчкын придетъ (Кохно, 65, 10)

Мар.: ъко не вѣсте дѣни ни часа (Мт, XXV, 13)

Зогр.-Асс.-Сав.: дѣне ни часа

никто же възложъ рѣжъ своѣ на рѣло (Кохно, 44а, 12)

Асс.—Зогр.—Мар.—Добр.: рѣжы; Сав.: рѣжъ своѣ

к томуу не помнитъ скръзь за радостъ (Кохно, 15б, 15—16)

Мар.: скръзн, Сав.: печалн.

Эти факты свидетельствуют, на наш взгляд, не только о том, что в языке исследуемого памятника отсутствовало твердое правило замены вин. п. родительным в отрицательных конструкциях, они могут говорить также и о том, что в языке евангелия Кохно находит отражение процесс расшатывания падежной системы.

В евангелии Кохно широко представлены отрицательные конструкции с противопоставлением, выражаемым союзами нж и, реже, а. Эти конструкции интересны тем, что их вторая, утвердительная часть, в явной форме определяет сферу действия отрицания. Особенно четко это проявляется тогда, когда отрицание семантически связано с именами и именными группами:

не мене прнемлетъ нж пославшааго ма (Кохно, 114, 8—9)

вбаче не аю же азъ хошъ нж аю же ты (Кохно, 71, 21)

не w снх же маа тѣкмо нж nw вѣроуащннмъ словесемъ нхъ (Кохно, 14б, 19—20)

не вы мене нзврате нж азъ нзврах вы (Кохно, 84б, 4—5)

В предложениях с глаголом-связкой емь отрицательная частица сливается с этой связкой, что, тем не менее, не изменяет сферы действия отрицания:

н слово еже слышасте нѣсть мое нж пославшааго ма ѡца (Кохно, 83, 1—2)

си болѣзнъ нѣ къ смртн нж w славѣ бнн (Кохно, 58б, 10)

Наличие в предложениях с противопоставлением ограничительной частицы тѣкмо автоматически „притягивает“ к ней отрицание, ограничивая сферу его действия семантикой словосочетания, включающего в свой состав эту частицу; при этом обе предикативные группы предложения остаются утвердительными:

н прндѣ не нса радн тѣкмо нж да н лазара видатъ (Кохно, 61б, 14)

хотѣаше съ оумртн за мнръ не тѣкмо за людн нж да н чада бнн
расточенаа съберетъ вѣднн (Кохно, 6, 6—11)

Таким образом, отрицание здесь полностью уходит в прагматический аспект предложения.

При противопоставлении предикативных групп предложения, синтаксическая структура прозрачна и не допускает иных толкований:

не оумрѣть во двѣа нж спнтъ (Кохно, 24б, 4)

ходан по мнѣ не нматъ ходнтн въ тмѣ нж нматъ свѣтъ жнвотны
(Кохно, 17, 21)

И́ако не бѣхъ́ тоу нѣ́ ндѣ́мъ къ́ нѣмоу́ (Кохно, 59, 15)

Если вторая, утверждающая часть конструкции, не содержит противительного союза, это не затрагивает ее общей структуры:

а ѿвѣ́ргын самъ́ не прѣ́дъ члѣ́кы ѿвѣ́ренъ вѣ́детъ прѣ́дъ а́н҃глы бнн́ (Кохно, 107, 1—3)

Встреченные в памятнике конструкции с союзом *а* синонимичны предложениям с союзом *нѣ́* без каких-либо оттенков сопоставительности:

н не оубо́нтѣ са ѿ оубнѣ́важщннхъ́ тѣ́ло а дшѣ́ не мо́гщннхъ́ оубнтн́ (Кохно, 106, 2—4)

сѣ́бота члѣ́ка ра́дн бысть́ а не члѣ́къ сѣ́боты ра́дн (Кохно, 52б, 12)

В целом же следует отметить, что в предложениях с противопоставлениями, которые недвусмысленно задают актуальное членение предложения, расставляя необходимые логические акценты, становятся явными многочисленными варианты выражения значения отрицания, не всегда однозначно задаваемые положением отрицательных частиц в предложении (ср.¹⁴). В тексте рассматриваемого памятника встретилось только 2 бесспорных случая, когда в предложении с противопоставлением отрицательная частица стоит непосредственно перед отрицаемым словом, а перед всей предикативной группой:

и́ако не трѣ́бовать́ здравнн́ вра́ча нѣ́ бола́щнн (Кохно, 55б)

не прѣ́дъ бо прнзватн́ правѣ́дннкы нѣ́ грѣ́шннкы въ́ покaдaннѣ́ (Кохно, 55б, 9—14)

Ср.: а нѣ́ самъ́ не крѣ́штаашѣ́ нѣ́ оученнцн́ его́ (Мар., Иоанн, IV, 2)

не прѣ́дъ бо да сѣ́ждѣ́ мнроу́ нѣ́ да спсѣ́ мнръ́ (Мар., И., XII, 47)

вѣ́роуа́н въ́ ма не вѣ́роуо́утъ въ́ ма нѣ́ въ́ посъ́лавъ́шааго́ ма (Мар., И., XII, 44)

В других канонических текстах подобные примеры также широко распространены. Именно их широкая употребительность и делает нетривиальной проблему определения сферы действия отрицания в предложении, в частности, при отсутствии эксплицитно выраженного противопоставления.

Выводы

1. При анализе особенностей употребления отрицания в евангелии Кохно мы неоднократно сталкивались с близостью текста евангелия Кохно к тексту Саввиной кн. — при значительных расхождениях с другими каноническими текстами. Конечно, только на этом основании трудно сделать определенные выводы, например, об общности их протографа. Однако наблюдения эти могут оказаться бесполезными в процессе дальнейшего изучения такого малоизвестного памятника, как евангелие Кохно.

2. При сопоставлении отрицательных конструкций евангелия Кохно с подобными конструкциями в канонических древнеболгарских текстах обращает на себя внимание гораздо большее количество конструкций с двойным отрицанием.

3. Нетипичность сочетания кванторных слов типа *всѣ́*, *всѣ́къ* с отрицанием можно также рассматривать как частное проявление тенденции к употреблению полинегативных конструкций.

4. В выборе вариантов винит./родит. п. при отрицании евангелие Кохно явно отдает предпочтение вин. п., в чем можно видеть начало распатывания надежной системы, естественного к концу XIII века.

¹⁴ L. M o s z y ŋ s k i. Miejsce partykuły przeczącej „ne“ w zdaniu starocerkiewno-słowiańskim — Studia palaeoslovenica. CSAV, Praha, 1971.